

20. Яркова, Е.Н. Исторический опыт как социокультурный институт / Е.Н. Яркова // *Философия и общество.*– 2014.– №3 (75). – С. 67–78.
21. Яркова, Е.Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества / Е.Н. Яркова // *Общественные науки и современность.* – 2002. – № 2. – С. 88–101.
22. Ясперс, К. *Смысл и назначение истории:* пер. с нем., 2-е изд. / К. Ясперс. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В НАЧАЛЕ XX ст.

С. В. Снапковская

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: ssvet88@inbox.ru

В статье раскрываются основные теоретико-методологические аспекты проблемы развития национальной культуры и образования начала XX ст. Анализируются ведущие направления формирования концепции национальной школы в российской педагогической мысли, представленные в широком и разнообразном педагогическом дискурсе.

Ключевые слова: образовательный идеал, национальная школа, общечеловеческие ценности, педагогическая мысль, родной язык, социокультурные доминанты.

BETWEEN THE GENERAL HUMAN AND THE NATIONAL IDEAL: THE PEDAGOGICAL DISCOURSE AT THE BEGINNING of the 20th CENTURY

S. Snapkovskaya

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: ssvet88@inbox.ru

The author reveals the main theoretical and methodological aspects of the problem of the national culture and education development at the beginning of the 20th century. The most important trends in arising of the national school concept in the Russian pedagogic thought, represented within the wide and various pedagogical discourse, are analyzed.

Key words: ideal in education, national school, human values, pedagogic thought, native language, sociocultural dominants.

В начале прошлого столетия проблема образовательного идеала в его общечеловеческом и национальном значении занимала одно из ведущих мест в теоретических поисках российской педагогической науки. «Национальный или общечеловеческий идеал? – вот та трудная дилемма, перед которой стоит наша жизнь, а вместе с ней и педагогическая мысль», – отмечал в 1916 г. М. М. Рубинштейн [11, с. 389].

Вступление многочисленных народов империи в полосу национального возрождения сопровождалось внедрением в общественное сознание национальных идеалов и ценностей образования. Российские ученые и педагоги заметили эти новые явления и направили внимание правительственных кругов и педагогической общественности на проблему создания русской национальной школы, а в более широком плане – на проблему соотношения общечеловеческого и национального в образовании и воспитании. Интерес, возникший в России к проблемам национальной школы на рубеже XIX–XX вв., породил множество подходов, концепций национального образования и воспитания, которые широко дискутировались в правительственных структурах и различных общественных институтах, в заведениях образования и педагогической журналистике. Различные аспекты развития культуры и образования в русле данной проблематики нашли свое отражение в ряде монографий и статей автора как в российской, так и в белорусской и польской печати [12, 13, 14, 15, 16, 17, 20].

Основываясь на воззрениях К. Д. Ушинского об ориентирующей и организующей функции народности в образовании, выстраивает свою педагогическую систему видный теоретик и практик российского образования В. А. Волкович [7, 8, 9, 10]. В работе «О проекте построения новой, идеальной русской школы, на основании так называемой философии новой русской школы» (1907 г.) она отмечает, что формулировку Н. И. Пирогова – воспитание человека в человеке – раскрыли К. Д. Ушинский и В. Я. Стоюнин, наметив пути к выяснению сущности национального воспитания [10, л. 299].

В труде «Национальное воспитание как задача гармонического развития» она подчеркивает, что национальное воспитание не может быть рассмотрено независимо от других сторон национального вопроса, но должно быть от него обособлено, т. к. включает в себе свое специфическое, которое и должно быть выделено, выявлено и изучено. В. А. Волкович раскрывает факторы национального воспитания и определяет его основные этапы: выявление национального типа, выяснение национального идеала, поиск средств обраще-

ния национального типа в национальный идеал [8, л. 1]. В качестве определяющего фактора единения народов и создания общего культурного пространства она рассматривает поддержку национально-культурной сферы.

Как же русская педагогическая мысль определяла основные дефиниции рассматриваемой нами проблемы? Общечеловеческие образовательные ценности определялись как базовые морально-интеллектуальные императивы, которые строятся на идентичности антропологического развития человека и специфически проявляются в разные исторические эпохи в конкретных регионах мира. Под национальными образовательными ценностями понималась аксиологическая направленность целей и содержания образования и воспитания, его форм и методов, которые обусловлены природными, социокультурными и этнографическими доминантами, менталитетом и традициями российского суперэтноса, в состав которого включались народы Российской империи.

Наиболее значительными аспектами этой проблематики выступали: обоснование приоритетности общечеловеческих или национальных ценностей образования, пути их организационной взаимосвязи, определение исходных принципов осуществления национального образования и народной школы, установление критериев отбора содержания образования; обоснование форм и методов его реализации, которые соответствуют «русскому духу».

Педагоги констатировали, что проблема национальных ценностей образования относится к недостаточно разработанным аспектам педагогической теории. П. Ф. Каптерев отмечал: «Вопрос о национальном образовательном идеале разработан очень слабо. Не выяснены еще существенные характерные черты русского народа, которые отличают его от других народов; спорными остаются и поныне многие важные вопросы его истории; его призвание в будущем, его историческая роль и назначение понимаются далеко не одинаково. При таком положении дел национальный образовательный идеал еще затуманен. Педагоги, которые работали над его объяснением, не столько определяли и рисовали сам идеал, сколько указывали те условия, при которых этот идеал может сложиться. Полное же определение и толкование этого идеала – дело будущего» [5, с. 61–62].

Значительный вклад в разработку проблемы национально-го характера образования и воспитания внес В. Я. Стоюнин. Главным недостатком русской системы воспитания он считал, как

отмечал П. Ф. Каптерев, недостаточную культурность русского народа [5, с. 64]. Идеал общего образования педагог видел в воспитании образованного (просвещенного) человека, который должен правильно понимать как внешнюю и свою внутреннюю природу, так и собственное нравственное отношение к людям и обществу. П. Ф. Каптерев определил средства национального образования: ослабление иностранных влияний; автономность педагогического процесса; наличие самостоятельной педагогической литературы; приоритет в образовании «краеведения» («родиноведения»); общая русская обстановка школ с точки зрения быта; укрепление в учениках чувства законности и уважения к науке [5, с. 66–67].

П. Ф. Каптерев разработал систему национальных ценностей образования, которая включала в себя: аксиологические приоритеты религии в общем и православия в частности; усвоение родного языка как важного источника постижения культуры; формирование у педагогов профессиональных ценностей, отражающих национальные традиции в педагогике; воспитание гражданственности, которую ученый тесно связывал с формированием исторического мышления и активной жизненной позиции.

В. Н. Сорока-Росинский поставил вопрос о роли русской национальной культуры как высшем проявлении творческого гения народа, духовной жизни нации. Он считал, что русская культура, как и другая великая национальная культура, выходит за границы своей национальной особенности, превращается в общечеловеческое достояние и таким образом становится необходимой для всех других народов [15, с. 233].

Представители культурно-антропологической теории также предлагали концентрическое размещение образовательного материала, но в противоположном направлении, обоснованном П. П. Блонским. Сначала предусматривалось знакомство с мировой культурой, потом культурой русского народа и в конце – изучение прошлого и современного состояния конкретной местности или «краеведение». В качестве национальных элементов образования выделялись, прежде всего, родной язык, православная религия и семейные традиции.

В начале XX века в разработке проблем соотношения общечеловеческих и национальных идеалов и ценностей был сделан значительный шаг вперед. Важный вклад в исследование этой проблемы внесли как «педагогические националисты», так и пропагандисты общечеловеческих ценностей. Начали вырабатываться как общие

принципы создания национальной школы, конструктивные подходы к вычленению «русского компонента» содержания образования в нем (этнографический, краеведческий материал), так и определенные формы и методы работы (изучение фольклора, создание краеведческих экспозиций, экскурсии по родному краю и др.). Однако, в связи с объективными социально-политическими и субъективными педагогическими причинами, задача создания русской национальной школы в это время так и не была решена. Более всего в теоретическом понимании проблемы нерусской или «иностранческой» школы достиг С. И. Гессен в работе «Основы педагогики: Введение в прикладную философию». В освещении темы он исходил из переплетения разнообразных течений педагогической и политической мысли – от консервативно-официальной педагогики к требованиям национальной школы нерусских народов, от идеологов единой и неделимой отчизны к приверженцам федерализма. По его словам, ключевая роль в деле создания национальной школы принадлежала родному языку, т. к. «национальная свобода есть преимущественно свобода родного языка, проблема национально-образования – проблема языка обучения» [3, с. 347].

С. И. Гессен ввел понятие «областной педагогики» или областно-национального образования. Под этим он понимал право национальных меньшинств иметь свою школу на родном языке. «Областная педагогика» в то время получила распространение в Австрии, Венгрии, Франции, Англии, Ирландии и России, где вопрос об «иностранческой» школе активно обсуждался, по словам С. И. Гессена, «радикальными педагогическими кругами» и нашел свое выражение в постановлениях комиссии по делам иностранческой школы Первого Всероссийского съезда по народному образованию [3, с. 350–351]. Ученый подверг критике «упрощенный национализм угнетенных наций» и выступил в защиту общерусской культуры и «областной педагогики», утверждая, что «...присоединение к мировой культуре отдельных ветвей русского народа значительно легче, разумеется, будет осуществляться посредством общерусской культуры, которая охватывает областные разветвления и ими питается» [3, с. 356].

Пик общественно-педагогической дискуссии по вопросам национально-образования и воспитания выпадает на 1905–1914 гг. Ряд известных русских педагогов-исследователей и учителей выступили в педагогической печати с критикой политики правительства в отношении иностранческой школы и высказались в поддержку об-

учения на родном языке учащихся. Российский критик, переводчик и поэт Ю. А. Веселовский в своих работах широко использовал культурно-исторический метод [1, 2]. В статье «Национальный вопрос в сфере школьного дела», опубликованной в журнале «Вестник воспитания» в 1905 г., он отмечал, что «стремление к механической нивелировке и обрусению» являлось одной из наиболее характерных черт окраинной политики правительства. Это проявлялось в стремлении к обезличиванию или уничтожению тех школ, которые были созданы отдельными народностями окраин, и попытках воспрепятствовать возникновению новых школ того же типа, несущих угрозу сепаратизма. Предполагалось, что, сделав для всех казенных и частных школ на окраинах обязательную русскую речь как язык преподавания, отведя изучению родного языка учащихся самое последнее место или совсем исключив его из программы, искусственно подгоняя «инородческие» училища под известный шаблон, подчиняя их строгому и придирчивому надзору и парализуя инициативу общества в этом деле, – с течением времени удастся оторвать учащуюся молодежь от родной почвы и подавить в ней всякое стремление к самобытности, всякое желание постоять за свою национальность [1, с. 125]. Однако это не принесло желаемых результатов, только усилив стремление «окраинных народов» к самобытности и сохранению родного языка. Содержание статьи известного педагога В. А. Флерова «В белорусской школе» в журнале «Русская школа» раскрывает как трудности школьного дела, так и достижения народной школы в белорусской деревне. При мизерном финансировании, отсутствии в большинстве школ наглядных пособий, школьных музеев, библиотек и «духовном голодании белорусской детворы» инспектором выявлен высокий уровень знаний учащихся. В. А. Флерова поразил «крупный рост численности учащихся, особенно в старшем, выпускном отделении и обширность их успехов в области грамматики и диктовки» [20, с. 72]. Он резюмировал, что в основе «секрета успешности» лежала основательная профессиональная подготовка местных (белорусских) учительских кадров и их творческие отношения к своему труду в «сложившейся истари системе преподавания» [20, с. 73].

Г. Г. Тумим в статье «Русские книги для инородческих школ: краткий обзор пособий и руководств по обучению русскому языку в инородческих школах» делает важный вывод, напрямую связывая обучение русскому языку с этической стороной проблемы: «Преподавать государственный язык по натуральному методу лег-

че, нежели понять, что натуральный метод совместим с уважением к материнскому языку учащихся, и что чем больше прочных знаний приобретут дети на родном им языке, тем легче и успешнее будет идти обучение их языку чужому» [18, с. 10].

Накануне Первой мировой войны педагогическая мысль народов России «созрела» для постановки вопроса об «иностранческой» школе перед правительственными кругами и широкой общественностью. На первом Всероссийском съезде по народному образованию этим вопросом занималась комиссия по «иностранческой» школе, которая подготовила и выпустила в 1916 г. сборник статей и материалов по этой проблеме. Отметим наиболее важные моменты этого издания. «Иностранческая» школа определялась авторами сборника как школа, которая создана государством для обучения детей тех национальностей, которые населяют Россию, которые не разговаривают по-русски, или, более точно, родным языком которых является нерусский язык [4, с. 7]. Если в народной школе принципы рациональной педагогики имеют право на использование, то в «иностранческой» школе требования учителей и общества о преподавании на родном языке звучат как противозаконные [4, с. 78]. Как отмечал редактор сборника В. А. Зеленко, отличительные особенности каждой народности не были приняты во внимание при создании «иностранческих» школ, о чем свидетельствуют их программы. Они почти не отличаются от народных школ, а языком преподавания во всех школах признается только русский язык. При первоначальном делении школ на два типа была сделана грубая ошибка, когда посчитали, что язык есть простое средство выражения готовой мысли. Автор, ссылаясь на работу А. Потебни «Мысль и язык», подчеркивает, что язык – это средство мысли. Работа «иностранческой» школы направлена в сторону замены многих языков одним, что ведет к снижению уровня мышления и уровня культуры, ставит многие миллионы детей в исключительные, неестественные условия развития [4, с. 8–11]. Украинский педагог С. Ф. Русова резюмировала: «Иностранческая школа в России – это болезненная кровоточащая рана в могучем организме русского государства» [4, с. 18].

Участники секции констатировали неспособность существующей «иностранческой» школы и разработали проект новой школы в виде задач национального воспитания: «присоединение всего народа к национальной культуре; развитие определенных сторон народной души; создание народного сообщества». В итоге комиссия

констатировала: «Материнский язык должен быть в школе для инородцев и языком преподавания, и предметом преподавания. Русский язык, в интересах инородческого населения, необходим в качестве предмета преподавания» [4, с. 4].

Первый Всероссийский съезд по народному образованию подверг осуждению образовательную политику правительства в национальных районах и принял более 20 резолюций относительно разных национальных школ [6, с. 117–118]. Решения инородческой комиссии представляли собой глубокий прорыв как в теоретических подходах, так и в организационно-практическом решении назревших проблем национального образования многих народов Российской империи. В работе комиссии не были обделены вниманием и вопросы белорусской национальной школы.

Ведущие российские педагоги-ученые также критически отнеслись к некоторым решениям инородческой комиссии съезда. Их внимание в большей степени было сосредоточено на проблемах создания русской национальной школы. Преимущественное большинство представителей русской педагогической науки, даже прогрессивно-демократического направления, считали, что только великие народы, и в их числе русский народ, могут иметь собственную национальную систему образования, литературный язык и развитую культуру. Такое право не признавалось за многими нерусскими народами или «инородцами», которые находились на разных ступенях социально-экономического и национально-культурного развития. Белорусы и украинцы занимали особенное положение среди народов Российской империи: с одной стороны, считались ветвями единого общерусского дерева, с другой – попадали в общий разряд нерусских этносов или «инородцев». Этническая, религиозная, языковая и культурная близость белорусов и украинцев к русским создавала в целях Российского государства дополнительные преграды для формирования их национального самосознания и идентичности. Русская педагогическая мысль, опираясь на официальную установку «одна нация – одно государство», не предусматривала существования педагогических систем разных этносов и создания общеобразовательных национальных школ – белорусской, украинской, литовской, татарской, чувашской и др. Однако отдельные ее представители смогли подняться над государственной концепцией нивелировки наций и высказаться в поддержку «широкого творческого национализма» и обучения в школах народностей на родном языке.

Литература

1. Веселовский, Ю. Национальный вопрос в сфере школьного дела / Ю. Веселовский // Вестник воспитания. – 1905. – № 9. – С. 125–134.
2. Веселовский, Ю. Национальный вопрос в сфере школьного дела / Ю. Веселовский // Вестник воспитания. – 1906. – № 2. – С.151–174.
3. Гессен, С.И. Основы педагогики: Введение в прикладную философию / С.И. Гессен; отв. ред. и сост. П.В.Алексеев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 447 с.
4. Инородческая школа: сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы / под общ. ред. Г.Г. Тумима и В.А. Зеленко. – Пг.: Тип. Н.П. Карбасникова, 1916. – 216 с.
5. Каптерев, П.Ф. Новая русская педагогика, ее главнейшие идеи, направления и деятели / П.Ф. Каптерев; изд. 2-е, доп. – СПб.: Кн. скл. «Земля», 1914. – 212 с.
6. Общая резолюция, принятая комиссией по образованию и воспитанию в местностях с инородческим населением // Инородческая школа: сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы / под общ. ред. Г.Г. Тумима и В.А. Зеленко. – Пг.: Тип. Н.П. Карбасникова, 1916. – С. 117–118.
7. РГБ, фонд научного отдела рукописей. – Ф. 55. Волкович, В.А. «Введение в психологию нации» (1915 г.), лл. 1–9. – л. 8б.
8. РГБ, фонд научного отдела рукописей. – Ф. 55. Волкович, В.А. «Национальное воспитание как задача гармонического развития» (2.IV.1912 г.), 26 лл.
9. РГБ, фонд научного отдела рукописей. – Ф. 55. Волкович, В.А. «Национальный воспитатель Константин Дмитриевич Ушинский» (1913 г.), 1–127 лл., л. 184.
10. РГБ, фонд научного отдела рукописей. – Ф. 55. Волкович, В.А. «О проекте построения новой, идеальной русской школы, на основании так называемой философии новой русской школы» (1907 г.), 364 л.
11. Рубинштейн, М.М. Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой / М.М. Рубинштейн – М.: Задруга, 1920. – 540 с.
12. Снапковская, С. В. Этноязыковая образовательная политика в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века / С.В. Снапковская // Известия Южного Федерального университета. Педагогические науки. – 2010. – № 8. – С.53–68.
13. Снапковская, С.В. Белорусскоязычная учебная литература в ретроспективе: синтез национального основания и общероссийского опыта / С.В. Снапковская // Историко-педагогический журнал. – 2015. – № 3. – С. 151–161.
14. Снапковская, С.В. В поисках новой образовательной модели / С.В. Снапковская // Белая вежа. – 2016. – № 3. – С.105–111.
15. Снапковская, С.В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси: вторая половина XIX – начало XX вв. / С.В. Снапковская. – М.:ИТИП РАО, 2011. – 308 с.

16. Снапкоўская, С.В. Культуралагічная думка Беларусі: вучэб. дапам. / С.В. Снапкоўская. – Мінск: РІВШ, 2017. – 216 с.
17. Снапкоўская, С.В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. / С.В. Снапкоўская – Мінск: НІА, 1998. – 192 с.
18. Тумим, Г.Г. Русские книги для инородческих школ / Г.Г. Тумим // Русская школа. – 1911. – № 12. – С.1–10.
19. Флеров, В. В белорусской школе / В. Флеров // Русская школа. –1910.– № 1. – С.64–81.
20. Snapkowska, S. Wartości narodowe studentów pedagogiki w kwestii charakteru pracy naukowej / S. Snapkowska // Prawne, instytucjonalne i społeczne uwarunkowania bezpieczeństwa. Rozdział III / Redakcja naukowa S. Wębas, A. Gołębiowski. – Radom: Wydawnictwo «Wyższa Szkoła Handlowa w Radomiu», 2014. – S. 325–332.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТНОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

К. А. Сухарева

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,

Институт филологии и журналистики,
кафедра зарубежной лингвистики,

пр. Гагарина, 23, 603950, Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: suhareva_3@mail.ru

В статье рассматривается возможность использования автоэтнонимов одного народа в рекламных сообщениях, ориентированных на другую этническую общность, а также дается описание прагматического потенциала данных лексических средств в межкультурной рекламной коммуникации.

Ключевые слова: этноним, автоэтноним, рекламный дискурс, рекламная коммуникация.

USING OF ETHNONYMIC LEXIS IN CROSS-CULTURAL ADVERTISING COMMUNICATION

K. A. Sukhareva

State University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky,
Institute of Philology and Journalism, Chair of foreign linguistics,

Gagarin ave. 23, 603950, Nizhny Novgorod, Russian Federation
e-mail: suhareva_3@mail.ru